

3,6 знаков

4,5 мин

В.А. Щипков

ст. преподаватель кафедры МЖ МГИМО, директор Русской экспертной школы

Спор между антисовестким брендом и летописью революции

Третья часть «Красного колеса», «Март Семнадцатого», посвящена Февральской революции, — она состоит из 4 томов.

Хорошо известна история, что первоначально писатель увенчал каждый том обзорной публицистической статьёй, в которой от своего собственного имени давал однозначные оценки описанным в романе событиям. Как сказала Наталья Солженицына — «разрядил горячее сердце».

Но Наталья Дмитриевна была категорически против этой публицистики в романе. Началось противостояние её и писателя. Её главный аргумент заключался в том, что эти статьи противоречили его собственной концепции: исторические факты должны говорить сами за себя.

После многих лет колебаний Солженицын убрал эти вставки. Но из дневников следует, что внутренне не хотел этого делать.

Эти статьи были изданы намного позже как «Размышления над Февральской революцией», а западный читатель с ними до сих пор не знаком (переведены только на французский).

Наталья Солженицына сыграла на его тщеславии, говоря, что роман «Красное колесо» «убедителен» и «завоёвывает сердца» читателей сам по себе, что в нём как в большой литературе главное излагается между строк, без вмешательства прямой речи автора.

В теории это правильное замечание. Шолохов именно так и создал то, что сегодня стало исторической правдой. Но «Красное колесо» не «Тихий Дон».

Писать подобно Шолохову Солженицын не умел. А полностью уходить из литературы в историческую науку не хотел. В этом была одна из его ошибок, в историческом жанре он мог достичь большего.

Эпопея «Красное Колесо» стала не живой частью культуры, а квалификационной работой, своеобразной «докторской диссертацией» по художественно-историческому жанру.

Сложись оно иначе, «Красное колесо» могло бы превратиться в аналог истории государства Российского XX века — от революции до перестройки.

В этом случае Солженицын вполне мог бы задать направление для современной историографии России и заложить национальную историко-культурную базу, которая бы преодолевала расколы в русской исторической памяти, связанные с событиями XX столетия. И хотя до этого ему было далеко, он был к этому склонен.

Уже в этих обзорных статьях видно, что там нет самобичевания, там попытка подняться над политикой, перейти к философии истории. И Солженицын там вплотную подошёл к критике самой идеологии секулярной современности, так называемой западной культуры и образа мысли. Он говорит: запад не менее виноват в русских трагедиях, чем сама Россия.

Можно предположить, что Наталья Дмитриевна понимала, что Солженицына взяли в мировой литературный истеблишмент лишь за одно произведение — «Архипелаг Гулаг», за разработку успешного антисоветского бренда, а не за литературный дар или нравственный взгляд. Кроме «Архипелага» коллективному Западу от Солженицына ничего не нужно: поэтому «Архипелаг» переведён на сорок языков, а «Красное колесо» — только на два. И при определённых обстоятельствах можно выпасть из этого истеблишмента.

Почему же Солженицын хотел оставить эти вставки?

Потому что они были для него смыслом всей двадцатилетней работы над «Красным колесом». Эти статьи были не приложением к роману: само «Красное колесо» было многотомным приложением к этим коротким статьям.

Разорвав эту органическую связь обзорных статей и романа, Солженицын лишил эти статьи основательности и поставил их в один ряд со всей остальной своей публицистикой, а роман лишил цели и цельности. Возможно поэтому, Солженицын остался в истории не как летописец революции, а только как автор самого известного антисоветского бренда.

Хотя Солженицын, без сомнений, желал бы выйти из тесного ампула советского правозащитного литератора. Возможно, будущим исследователям его творчества получится ему в этом помочь.